

КРОПІНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 3.

1 ФЕВРАЛЯ.

1909 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ IV.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

С.-Петербургъ, Площадь Маринскаго театра, 6.

- А. Куприна.** „Слозь“ разсказъ для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.
- Н. Манасеина.** Разсказы для дѣтей. Съ иллюстраціями художниковъ: *Т. Гиппиусъ, В. Замирайло, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Сабанинковой, П. Соловьевой, (Allegro) и Е. Чичаговой.* Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** коп.
- П. Соловьевой (Allegro).** „Елка“. Стихи для дѣтей, съ рисунками автора, *Т. Гиппиусъ* и др. Цѣна въ переплетѣ **1** р., въ обложкѣ **50** к.
- Анатолий Франсъ.** „Пчелка“. Сказка. Переводъ *Н. Манасеиной.* Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.
- М. С. Безобразовой.** „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Цѣна **25** к.
- В. П. Поливанова.** „Воронъ“—„Индѣйцы“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.

Новыя изданія журнала „ТРОПИНКА“.

- В. Малахѣва-Мировичъ.** „Золотой домъ“. Разсказы для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** к., въ обложкѣ **1** р.
- О. Бьялевская.** „Капель“. Стихи. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.
- „Семилѣтка“. Народныя сказки въ пересказѣ *П. Соловьевой (Allegro).* Съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ **80** к., въ обложкѣ **50** к.
- Джэнъ Лондонъ** „Вузь“. (Исторія одной собаки). Переводъ *Н. Манасеиной.* Съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.
- Allegro.** Открытки въ краскахъ. „Дѣти зимой“. Серія въ 12 открытокъ высылается черезъ редакцію за **40** к., подписчикамъ «Тропинки» за **25** к.
- Н. Манасеиной.** „На Рождествѣ“. Три разсказа для дѣтей съ рисунками: *Т. Гиппиусъ, Г. Нарбута и П. Соловьевой.* Цѣна въ переплетѣ **80** к. въ обложкѣ **50** к.
- П. Соловьевой (Allegro).** „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стихахъ, съ рисунками. Цѣна **20** к.
- П. Соловьевой.** „Первое Апрелья“. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Цѣна **15** к.

Выписывающіе книги и открытки черезъ редакцію, за пересылку не платятъ.

1909 годъ.

Февраль № 3.

ЖУРНАЛЪ

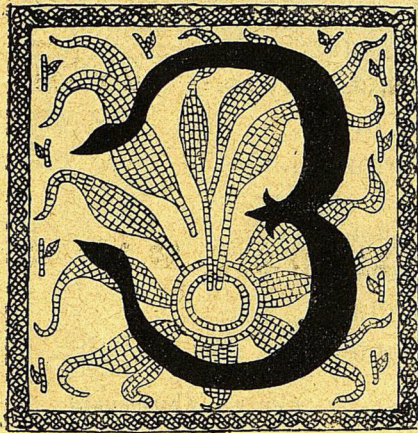
ТРОПИИКА.

Содержаніе.

1. Теплая зима—стихотвореніе *С. Городецкаго*.
2. Мамино дѣтство—повѣсть *Н. Манасеиной*. (Продолженіе). Съ рисункомъ *А. Лидеманъ*.
3. Мессина—профессора *М. Ростовцева*.
4. Прямой дорогой—разсказъ *А. Сверчковой*.
5. Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ—*Льюиса Кэрролла*. Переводъ съ англ. *Allegro* (Продолженіе).
6. Море—*Мишлэ*. Сокращенный переводъ *П. С.* (Продолженіе).

Теплая зима.

ИМА, наступая, сказала:
— Морозы, Снѣга да Метель!
Пойдите вы въ городъ сначала
За тридевять книзу земель.
— Купите всего, что вамъ нужно,
А я наверху посижу.—
И всѣ разлетѣлися дружно.
Что вышло—сейчасъ расскажу.

Ходила Метель по базару,
Метлу подлиннѣй покупать,
Да крѣпкаго нѣту товару,
А слабого лучше не брать.

Морозы по лавкамъ ходили,
Хотѣли-бъ трещотокъ достать,
Да все сторожа раскупили,
Чтобъ ночью ходить да трещать.

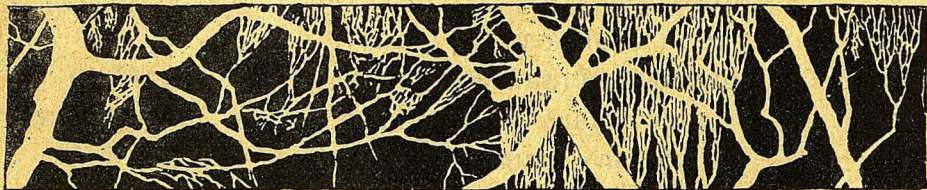
Снѣга всѣ ряды обыскали,
Чтобъ ваты запасъ запасти,
Но всю ужъ купчихи забрали,
И фунта нельзя наскрести.

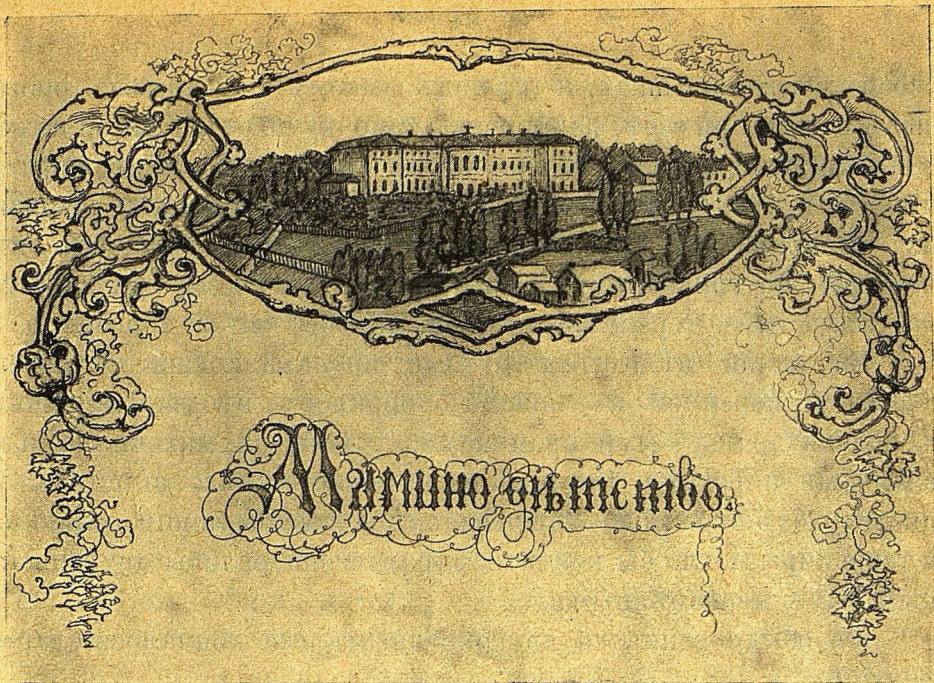
Что дѣлать? Съ пустыми руками
Къ работѣ нельзя приступить.
И сѣли они подѣ домами
Рыдать, причитать да вопить.

Сидѣли не много, не мало,
Вдругъ вѣтеръ заморскій подулъ.
Снѣговъ и Метели не стало,
И въ лужѣ Морозъ потонулъ.

Зима, наверху дожидаясь,
Сидитъ, головою трясеть.
А люди глядятъ, удивляясь,
Что-жъ долго она не идетъ.

Сергій Городецкій.

(Продолженіе).

Черезъ два года, лѣтомъ, меня навѣстили родители; они привезли въ институтъ мою сестру Сашу.

Цѣлыхъ два года не видѣла я никого изъ моихъ домашнихъ. Аккуратно, два раза въ мѣсяць, писала я имъ. Письма отъ нихъ приходили рѣдко. Родители писали мнѣ два раза въ годъ, не больше. Обыкновенно въ конвертѣ я находила еще записочку отъ бабушки съ нѣжными словами и сообщеніемъ, что на имя классной дамы мнѣ посланы деньги. Деньги нужны были на почтовую бумагу, на марки, на гребенки, на зубныя щетки, на душистое мыло и помаду. Тогда всѣ помадили волосы. Помадь было много. Помню, была такая, въ жестяной баночкѣ, съ надписью „violette“, но особенно славилась тополевая помада. Стоила она дороже другихъ и имѣть въ

своей собственной шкатулочкѣ подѣ замкомѣ, ключъ отъ котораго былъ всегда при себѣ, фарфоровую баночку съ зеленоватою пахучею мазью, считалось верхомъ блаженства. Если, послѣ пріобрѣтенія всѣхъ этихъ предметовъ роскоши, оставались еще деньги, ихъ отбирала на храненіе классная дама и выдавала въ четверги по гривеннику, а въ воскресенье по двугривенному на сладости, которыя можно было пріобрѣтать у торговки.

Ей одной вѣдомыми путями проникала она со своей огромной корзиной въ нижній корридоръ и одѣляла всѣхъ желающихъ медовыми пряниками, леденцами, маковниками и сладкими пирогами. Корзина была неистощима, аппетитъ у институтокъ огромный—вѣрнѣе, онѣ всегда были впроголодь—и такіе пиры могли бы кончатся трагически, еслибы двугривенный былъ неразмѣннымъ.

Съ обыкновеннымъ двугривеннымъ все кончалось благополучно.

Кромѣ этихъ пировъ въ нижнемъ корридорѣ бывали еще и другіе.

Въ Кіевѣ на Крещенъе бывала большая ярмарка, на которую помѣщики высылали возы съ разными деревенскими припасами. Тѣ, кто имѣлъ дочерей въ институтѣ, обыкновенно присылали имъ отдѣльный возъ съ деревенскими гостинцами. Въ посылкѣ бывали и копченые гуся, и колбасы, и масло, и медъ, и орѣхи въ меду, и смоквы, и пастила, и варенье, и шипечки изъ сдобнаго тѣста въ меду.

Намъ тоже присылали варенье, баночки съ халвой, сухія груши, яблоки.

Все это отбиралось классной дамой и выдавалось по порціямъ, но, при умѣньѣ и покровительствѣ кого нибудь изъ сторожей, можно было крупницу этихъ сокровищъ получить и на руки. Такой тючекъ прятали обыкновенно въ нетопленную

печку. Утощались ночью въ дортуарахъ. Откупорить такой тючекъ иногда бывало очень затруднительно. Для своихъ укладывали и упаковывали особенно тщательно, а у институтокъ никакихъ приспособленій для того, чтобы вскрывать посылки, кромѣ собственныхъ неумѣлыхъ рукъ, не было.

Выручала всегда одна. Звали ее Лелей и Леля эта была совсѣмъ особенная и совсѣмъ на насъ не похожая.

У этой Лели въ шкатулкѣ, вмѣсто душистаго мыла и помады, лежалъ ножъ. Ножъ, какъ ножъ, даже самый обыкновенный, но намъ, воспитанницамъ, онъ казался ужаснымъ. Какъ достала Леля ножъ—это было ея тайной, но достала она его, чтобы откупоривать желающимъ посылки.

За это она брала извѣстную мзду.

— Ножъ меня кормить,—объясняла она намъ.—Безъ него я давно бы съ голоду померла.

Леля была очень красивая, рослая, румяная дѣвочка, но мы все ее побаивались и сторонились отъ нея. Насъ она презирала и называла пискуньями. Весь институтъ зналъ Лелю. Извѣстность она приобрѣла съ первыхъ же дней своего поступленія въ институтъ.

Какъ то во время урока ея мѣсто на скамейкѣ оказалось пустымъ. Класная дама пришла въ волнеіе, пропавшую принялись искать, но ея нигдѣ и слѣда не было. Доложили начальницѣ, весь институтъ пришелъ въ смятеніе. Поставили на ноги сторожей, дѣвушекъ, обыскали все углы, но новенькой не нашли. Исчезла новенькая.

Куда исчезла—никто не понималъ. Думали уже, что, какъ это ни невозможно, а убѣжала. И вдругъ нашли ее на чердакѣ. Поймали, повели къ начальницѣ, допрашивали. Она отвѣчала, отвѣчала храбро, безъ малѣйшаго смущенія, съ сознаниемъ своей правоты:

— Бсть хотѣла. На чердакъ полѣзла посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ голубиныхъ яицъ. Хотѣла изъ нихъ яичницу на свѣчкѣ жарить.

Такъ говорила она и даже головы не опускала, такъ и смотрѣла на всѣхъ своими огромными прекрасными глазами. Ее заперли въ карцеръ.

Карцеръ помѣщался въ концѣ длиннаго нижняго корридора, гдѣ находился костель. Карцеръ этотъ былъ похожъ на шкафъ и освѣщался окошкомъ сверху. Давно въ него никого не сажали. Воспитанницы, въ общемъ, были благонравны. Тогда и дома дѣтей держали строго, вдаль отъ старшихъ, а въ институтѣ вся обстановка сразу пріучала къ тишинѣ и спокойствію.

Особенныхъ шалостей не было. Развѣ привяжутъ бумажку къ платью или какойнибудь изъ нелюбимыхъ классныхъ дамъ засунуть работу въ печку. Только и всего. Въ такихъ исключительныхъ случаяхъ виновную обыкновенно водили къ начальницѣ.

Женщина въ черномъ, величественная и строгая, говорила каждой преступницѣ одни и тѣ же слова, всегда производившія одинаково потрясающее впечатлѣніе.

Преступница, заливаясь слезами раскаянія, возвращалась къ подругамъ до такой степени потрясенной, что одна мысль, что когонибудь „позовутъ къ начальницѣ“ удерживала отъ самыхъ сильныхъ преступленій.

Но на дѣвочку, забравшуюся на чердакъ за голубиными яицами, ни начальница, ни карцеръ, впечатлѣнія не произвели.

Выпущенная изъ карцера, она увѣряла, что провела время тамъ отлично. Переговаривалась со сторожемъ, который, „умнѣ всѣхъ въ институтѣ вмѣстѣ взятыхъ“. Сторожъ соскучился одинъ въ пустомъ корридорѣ у костела и обрадовался,

Мы мигомъ расхватывали хлѣбъ.

видно, что есть съ кѣмъ поговорить. И хлѣба онъ ей даль вдоволь.

Скоро дѣвочка эта передружилась со всеѣми сторожами и горничными. Они всеѣ любили ее и подкармливали потихоньку.

Эта же Леля показала намъ дорогу къ панни Кухарской, институтской экономкѣ. И мы всеѣ, когда насъ выпускали въ садъ, стали бѣгать къ окошку за толстыми желѣзными прутьями.

Это было окошко институтской кладовой и приходилось оно почти на уровнѣ земли.

Панни Кухарская, замѣтивъ, что въ комнатѣ вдругъ потемнѣло, поднимала голову отъ работы. Она всегда была съ какой нибудь работой въ своей кладовенкѣ эта панни Кухарская. Работа откладывалась въ сторону и розовенькая старушка въ бѣломъ чепцѣ, завязанномъ подъ подбородкомъ большимъ бантомъ, принималась торопливо намазывать повидломъ куски чернаго хлѣба.

А мы смотрѣли и ждали.

Потомъ отворялось лѣтомъ все окошечко, а зимой только форточка и мы мигомъ расхватывали хлѣбъ.

— Спасибо! Спасибо, панни Кухарская!

— На здоровье, дѣти мои, на здоровье.

Окошечко захлопывалось. Мы неслись по дорожкѣ къ мѣсту, гдѣ намъ полагалось быть, на бѣгу дожевывали хлѣбъ и облизывали сладкія губы.

Разъ въ недѣлю намъ раздавали письма. Читала ихъ предварительно классная дама и отдавала ихъ воспитанницѣ не въ положенный для раздачи день только въ томъ случаѣ, если въ письмѣ было что-нибудь особенное. Помню, что изъ всеѣхъ писемъ, полученныхъ мною изъ дома, особенно сильное впечатлѣніе произвело на меня одно, въ которомъ мнѣ написали о рожденіи новаго брата.

„Теперь у тебя новый братецъ, зовуть его Гришей“.

Такъ написали мнѣ.

Я читала и перечитывала эти двѣ строчки.

— Новый братецъ! Гриша! Какой онъ? И какъ же это: братецъ, настоящій братецъ, а я его еще не видала и когда увижу, тоже неизвѣстно.

Я сунула письмо за лифъ. За урокомъ я была разсѣяна, а въ перемѣны, забравшись въ укромный уголокъ, вынимала письмо, перечитывала.

— Братецъ?! Развѣ бываютъ такіе братцы, которыхъ сестры въ глаза не видѣли?

— Что съ тобой, Оля? Что случилось?—спрашивали меня подруги.

— Ничего, такъ,—уклонялась я отъ прямого отвѣта.

Какъ сказать о такомъ необыкновенномъ, почти чудесномъ случаѣ—я не знала. Но, когда вечеромъ мы уже были въ постеляхъ, я не выдержала и шопотомъ рассказала моей сосѣдкѣ о братѣ. Та была поражена и тоже шопотомъ сообщила эту новость на кровать рядомъ. Черезъ нѣсколько минутъ весь дортуаръ бросился ко мнѣ. Меня поздравляли, цѣловали и всѣ почему-то радовались. И я принимала поздравленія, радовалась, цѣловалась. Оказалось, что не у меня одной такой братецъ. У нѣкоторыхъ были тоже и братцы, и сестрицы, самые настоящіе, но которыхъ онѣ, какъ и я, еще не видали. И то, что я не одна, что у меня „какъ у другихъ“,—успокоило меня. Когда на слѣдующій годъ пришло письмо съ извѣщеніемъ, на этотъ разъ, о новой сестрицѣ, оно уже меня не взволновало. Я сразу рассказала новость подругамъ, принимала поздравленія и сіяла, потому что меня называли счастливой.

Когда привезли сестру Сашу, она мнѣ рассказала все подробно о новыхъ братцахъ и сестрицахъ и о старыхъ преж-

нихъ, съ которыми я была знакома, тоже много рассказывала. Узнала я отъ нея, что Петю отдали въ корпусъ. Попалъ онъ въ Черниговскій корпусъ и его увезли туда.

Бабушка осталась совсѣмъ одна. Предлагали ей взять кого-нибудь изъ дѣтей вмѣсто Пети, но она не захотѣла.

— Только привыкнешь — отнимаютъ. Такъ больше не хочу и не могу. Буду Олюсю дожидаться, — сказала она. И стала жить совсѣмъ одна, утѣшаясь лѣтомъ садомъ и своими любимыми розами, за которыми когда-то мы ухаживали съ нею вдвоемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мессина.

Мессинецъ.

ЗА много столѣтій до Рождества Христова отъ береговъ гористой и бѣдной Греціи, изъ гаваней скалистыхъ и голыхъ острововъ Архипелага, изъ богатыхъ полувосточныхъ городовъ Малой Азіи осторожно и боязливо пробирались отъ острова къ острову, отъ берега къ берегу легкія весельныя и парусныя суденушки.

Они везли людей искавшихъ счастья и богатства, мечтавшихъ о безбѣдной и свободной жизни, жаждавшихъ найти такую страну, гдѣ бы рѣки текли молокомъ и медомъ, гдѣ бы щедрая мать-земля

кормила и поила своихъ дѣтей, не требуя отъ нихъ труда, не заставляя ихъ сгибаться надъ сохой и киркой.

На Западъ и на Востокъ плыли эти суденушки и все дальше и дальше пробирались искатели, все смѣлѣе и смѣлѣе становились они. То тамъ, то здѣсь находили они удобное для поселенія мѣсто, тучныя поля, богатую растительность. Усталые, измученные долгимъ путешествіемъ, испуганные моремъ и тѣми ужасами, которые подсказывала имъ неизвѣстность и новизна всего, что они видѣли, они забывали золотую страну фантазіи и довольствовались тѣмъ, что имъ давала дѣйствительность.

Слѣдомъ за ними шли другіе. Они везли своимъ сородичамъ привычныя имъ продукты ихъ далекой родины, выслушивали рассказы новыхъ поселенцевъ о тѣхъ странахъ и земляхъ, которые сосѣдили съ ними, и шли туда на поискахъ за счастьемъ и богатствомъ.

Въ желѣзномъ и мѣдномъ вооруженіи, съ киркой и плугомъ выходили они на берегъ. Отвоевавъ отъ мѣстныхъ полудикихъ жителей кусокъ берега и поля, они воздвигали прежде всего стѣны для своей защиты и храмы для своихъ боговъ, строили „городъ“.

Сотни такихъ городовъ покрыли берега Средиземнаго моря. Какъ когда то на своей родинѣ, жители этихъ новыхъ городовъ пахали землю, защищая ее мечомъ отъ сосѣдей, торговали съ этими сосѣдями, сбывая имъ то, чего у нихъ не было, обмѣнивая на ихъ хлѣбъ и скоть свое вино и оливковое масло, привозимые ими съ родины оружіе, матеріи, изящную цвѣтную расписанную посуду, золотыя и серебряныя украшенія. Не прочь были они при случаѣ и пограбить; стройными рядами шли они въ глубь страны, убивая и уничтожая сопротивлявшихся, обращая въ рабство покорныхъ, разрушая села и деревни, уводя скоть и людей.

Тамъ, гдѣ это было удобно, они выходили въ море на своихъ корабляхъ, поджидали проѣзжихъ купцовъ, везшихъ съ далекаго Востока на западъ богатства Египта и Финикии, захватывали ихъ корабли и дѣлили между собой добычу.

Въ этихъ поискахъ счастья и богатства греческіе выходцы добрались и до береговъ Италіи. Отъ гавани къ гавани, отъ мыса къ мысу плыли они все дальше на западъ по берегамъ Италіи.

Такъ добрались они до западнаго берега Италіи и до восточнаго побережья Сициліи. Чудныя и страшныя картины открылись тутъ передъ ихъ глазами. Другъ противъ друга возвышались по обѣ стороны неширокаго пролива двѣ могучихъ огнедышащихъ горы: Везувій въ Италіи, Этна на Сициліи. Мягкимъ ласковымъ конусомъ подымается Везувій. Ласкающее голубое нѣжное море, тучныя и богатыя поля у его подножія, тѣнистыя лѣса на его склонахъ манили къ нему людей. И только дымъ, выходившій изъ кратера, да огонь, окружавшій по ночамъ его вершину, говорили о томъ, что не одни кроткіе и ласковые боги живутъ здѣсь, что тамъ въ глубинѣ живутъ и дышутъ страшныя существа, колеблющія почву, гремящія страшнѣе чѣмъ Зевсъ на небѣ, орошающія землю не сплотиворяющей водой дождя, а сѣрой пеленой пепла и градомъ раскаленныхъ камней, выливающія на нее не потоки свѣжей живой воды, а грозныя моря черно-красной сжигающей и ломающей все на своемъ пути лавы

Но Везувій рѣдко давалъ чувствовать свою силу, его ласковая внѣшность заставляла забывать его грозную силу.

Иное—его сестра Этна. На три съ половиной версты выросъ этотъ гигантъ на берегу Сициліи, грозно глядя на крутые берега моря (рис. 1). Черна вся земля вокругъ нея, черенъ песокъ, черны камни, черны стѣны и дома. Грозно

возвышается ея верхушка въ небо. Могучимъ причудливымъ валомъ окруженъ ея кратеръ и вѣчно бѣлѣетъ тамъ на черномъ фонѣ застывшей лавы дѣвственный снѣгъ, освѣщаемый по ночамъ могучимъ заревомъ пожара. Каждую минуту готовъ заговорить этотъ гигантъ, въ вѣчномъ трепетѣ живутъ на его склонѣ и у его подножія люди.

Глухой рокоть отъ времени до времени оглашаетъ его окрестности, потоки лавы вѣчно грозятъ людямъ, конвульсивно въ ужасѣ и страхѣ трясется земля, разрушая дома и храмы и погребая подъ ними людей.

Страшныя сказки рассказывали другъ другу люди, смотря на могучую огнедышащую гору. Тамъ подъ землей, откуда льется лава и прорывается огонь, гдѣ слышится глухой шумъ и рокоть, хромой кузнецъ — Гефестъ куетъ оружіе, губящее людей, говорили одни. Тамъ въ глубинѣ сидятъ одноглазые киклопы, могучіе титаны, кующіе, склоняясь надъ наковальней, грозныя молніи для Зевса громовержца, говорили другіе. Нѣтъ — говорили третьи, — нѣтъ, подъ грозной мощью Этны погребено страшное чудище, на его волосатой груди тяготѣетъ, какъ тяжелый прессъ, огромная гора. Когда то дѣти земли сторукиа съ змѣевыми туловищами задумали

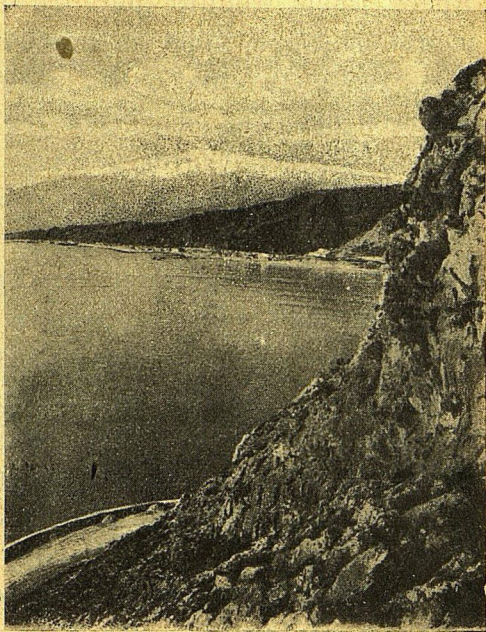

Рис. 1. Крутой черный берегъ Сициліи и на фонѣ вдали покрытая снѣгомъ верхушка Этны.

дѣти земли сторукиа съ змѣевыми туловищами задумали

завоевать небо и звѣзды, свергнуть небеснаго царя—громовержца. Въ Тессаліи дали они рѣшительный бой: одну на другую взгромоздили они колоссальныя горы и съ дикимъ крикомъ шли на штурмъ неба и звѣздъ. Но всѣхъ ихъ повергли въ прахъ свѣтлыя молніи громовержца, всѣхъ ихъ поразило оружіе дѣтей Зевса лучезарнаго Аполлона, воителя Ареса, дѣвы Аѳины (рис. 2). Самый могучій изъ нихъ поверженъ былъ въ море на далекомъ Западѣ и придавленъ былъ, какъ тяжелымъ прессомъ, громадой Этны. Но онъ живъ. Онъ дышетъ огнемъ, онъ пытается сбросить давящую его грудь тяжесть: и колеблется земля, и поднимаются грозные валы моря, заливая берегъ, и льется изъ жерла горы раскаленная лава и гибнутъ сотнями и тысячами дѣти Зевса—люди, довѣрчиво поселившіеся на его груди, на лонѣ его матери-земли, не желающей признать власти громовержца.

По сосѣдству съ нимъ угнѣздились другія чудища. Тамъ, гдѣ Италія и Сицилія сходятся такъ близко, что кажется готовы слиться, по обоимъ берегамъ пролива поселились страшныя существа. Горе кораблю, который хочетъ проплыть мимо нихъ. Страшный водоворотъ утянетъ его въ объятія подземной сестры Тифона—Харибды. Захочетъ онъ избѣжать ея, будетъ держаться ближе къ другому берегу, страшныя собачьи головы Скиллы сокрушатъ его бѣдное тѣло своими желѣзными челюстями.

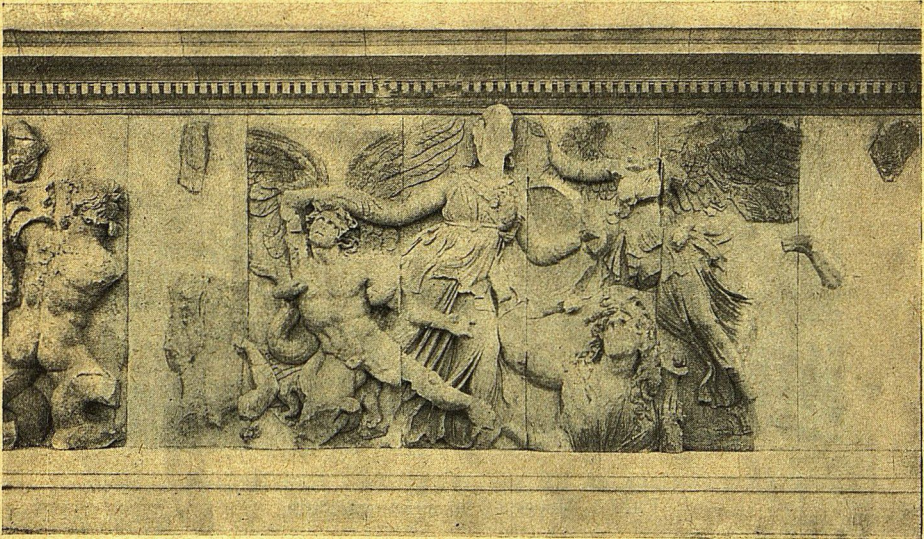
Страшны берега Сициліи, но люди цѣпки и легкомысленны, быстро пугаются, но и быстро забываютъ. А Сицилія такъ прекрасна и богата! Теперь черная земля подножій Этны—сплошной садъ лимоновъ, апельсиновъ, мандариновъ, сплошной виноградникъ. Въ древности здѣсь сторицей рождался хлѣбъ, буйно росъ виноградъ, богатые урожаи давали сады. Въ горахъ такъ удобно было держать стада, склоны Этны,

поросшіе вѣковымъ лѣсомъ, давали такой чудный матеріаль для кораблей, а берега Сициліи съ ея чудными гаванями, ея чудное положеніе узловой станціи между Греціей и западомъ—

Гигантъ.

Аѳина.

Побѣда, вѣнчающая Аѳину (Нике).

Земля, защищающая своего сына.

Рис. 2. На рельефѣ изображена Дѣва-Аѳина, побѣдившая и убивающая гиганта. Надъ нею царитъ богиня побѣды—Нике, вѣнчающая ее вѣнкомъ. Изъ земли подымается мать гиганта—Земля, пытающаяся защитить его. Налѣво часть другой сцены—гигантъ съ ногами въ видѣ змѣй.

Италіей, теперешней Франціей, Испаніей, такъ манили грековъ торговцевъ и промышленниковъ по природѣ. Страхи старались забыть, старались успокоить себя, убаюкать радостями и горестями сегоднешняго дня.

Время шло, города на берегахъ Сициліи росли и развились, росъ въ нихъ челоуѣкъ, росла его мысль. Старымъ сказкамъ перестали вѣрить, начали забывать грозный образъ сторукаго гиганта, научная любознательность замѣнила этотъ призракъ стройными теоріями, мало чѣмъ отличающимися отъ нашихъ, люди стали взбираться на Этну, ходили

Рис. 3. Мессина до землетрясенія.

по ея кратеру, выстроили дома у самой верхушки. Разражалась катастрофа, люди терялись, плакали, хоронили своихъ, но... возвращались на старое мѣсто, вновь отстраивали свои дома и продолжали жить, какъ прежде, интересами дня, ссорясь и воюя, мирясь и заключая союзы, возводя людей на престолъ и свергая ихъ въ прахъ.

Однимъ изъ наиболѣе цвѣтушихъ городовъ вост. побережья Сициліи, начиная съ 8 вѣка до Р.-Хр., была Мессина. Рис. 3. У самой пещеры страшной только въ фантазіи Скиллы посе-

лилась часть мореходовъ-пиратовъ. Они пришли сюда на берега пролива взимать дань съ шедшихъ на сѣверъ и западъ судовъ, соревнуя въ этомъ съ своимъ сосѣдомъ по ту сторону пролива теперешнимъ Реджію. Кто не платилъ дани, того грабили. Съ теченіемъ времени пираты мессинцы стали крупными торговцами, торговцами они остались и посейчасъ.

Рис. 4. Разрушенная землетрясеніемъ Мессинская набережная.

Много они пережили: были они и свободны, богаты и могучи, подчиняли ихъ и свои, и чужіе, сосѣдніе Сиракузы и далекій Карфагенъ, видали они въ своихъ стѣнахъ и сосѣдей италійцевъ, долгое время жили они одной жизнью съ могучимъ Римомъ; послѣ гибели Рима владѣли ими и арабы, и норманны, и французы, и испанцы. Теперь они опять, какъ когда то, возсоединились съ Римомъ, съ новой объединенной около Рима Италіей.

Но настоящимъ ихъ господиномъ, господиномъ ихъ жизни и смерти всегда за всѣ эти 3000 лѣтъ была могучая Этна,

тотъ сторукий, который и теперь еще шевелится подъ огнедышащей горой.

Его лава Мессинѣ не страшна, но страшно его братство съ родными Мессинѣ морскими чудищами — Скиллою и Харрибдой. Отъ времени до времени потрясаютъ эти дѣти земли

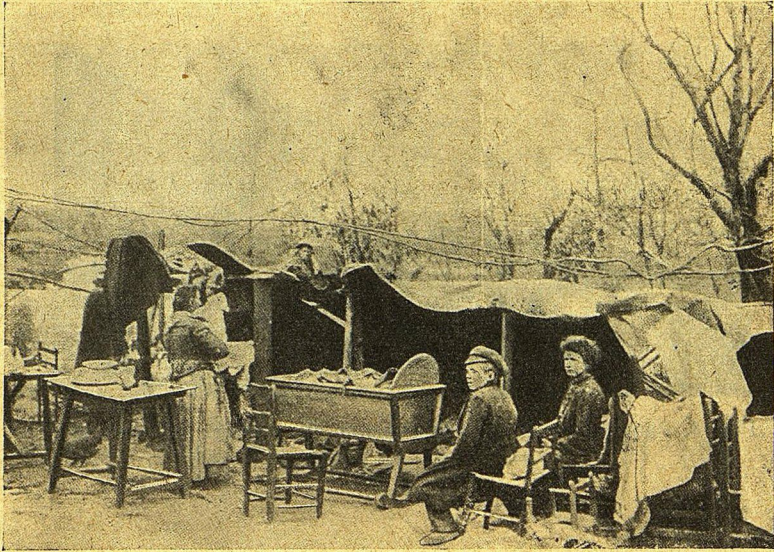

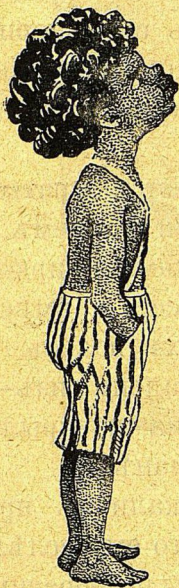
Рис. 5. Жилища пострадавшихъ жителей Мессины.

лоно своей матери, волнуется и кипитъ море, и гибнуть дома и люди, храмы и церкви, кровью напояется земля и трупы покрываютъ ее, гибнуть корабли и море заливаешь пристани и улицы (рис. 4). Страшное „помни о смерти“ сказали эти чудища, грозныя и непонятныя и теперь, и нѣсколько дней тому назадъ.

Но жизнь возьметъ свое; и теперь уже люди вернулись на свое разрушенное пепелище, (рис. 5), они вновь строятъ свои дома вновь сооружаютъ набережныя и черезъ нѣсколько лѣтъ они вновь забудутъ страшный призракъ смерти и грознаго гиганта—сына земли.

М. Ростовцевъ.

Прямой дорогой.

— Знаешь что?—сказалъ негритенокъ Ніани толстогубой Аминѣ, кухаркѣ французскаго фермера въ Сенегамбіи, — я въ послѣдній разъ чищу тебѣ бананы: сегодня, какъ только луна покажется на высоту ладони изъ-за горы, я отправляюсь въ гости.

— Да что ты?!—воскликнула Амина, роняя тарелку на полъ,—къ кому же ты пойдешь, мой красавчикъ?

— Тебѣ этого не понять. Ну, да ужъ все равно, скажу... только чуръ! никому ни слова... Выхожу я изъ дому совсѣмъ тихо, такъ тихо, что ни хозяинъ, ни хозяйка и не пронюхаютъ... сажусь въ лодку и ѣду все прямо—прямо по Сенегалу, до того самаго мѣста, гдѣ онъ кончается или начинается, я не знаю, но не въ томъ дѣло... приѣзжаю... выхожу на берегъ и иду все прямо—прямо и попадаю въ Абиссинію. Не правда-ли, какъ просто?

— Да ужъ чего проще! Это и я пошла бы съ тобою.

— Нѣтъ, нѣтъ,—рѣшительно заявилъ Ніани, засовывая руки въ карманъ,—съ женщинами такая возня! Къ тому же ты не знакома съ моимъ дядей.

— А ты идешь къ дядѣ? Экій счастливчикъ! Ужъ вѣрно онъ угоститъ тебя на славу.

— Еще бы! онъ отведетъ меня въ поле, дастъ мнѣ охапку сахарнаго тростника, и я буду такъ его сосать, что у тебя здѣсь засосетъ подъ ложечкой. А послѣ тетка напечетъ мнѣ на угольяхъ горячихъ маисовыхъ лепешекъ столько, сколько у меня пальцевъ на обѣихъ рукахъ.

— Послушай, мой красавчикъ, я набью тебѣ карманы варенымъ рисомъ и жареной картошкой, отдамъ свою порцію пирога... принеси ты мнѣ, солнце мое, хоть одну тростинку, да пару лепешекъ. Вѣдь здѣсь, хоть умри, не найдешь ничего хорошаго.

— Идетъ,—беззаботно отвѣтилъ Ніани и пошелъ собираться.

А сборы его были недолгіе: штанишки были на немъ, и штанишки славныя: бѣлыя съ красными полосками и бирюзовыми подтяжками; рубашки онъ не носилъ вовсе, а вмѣсто шапки у него была цѣлая копна всклокоченныхъ волосъ.

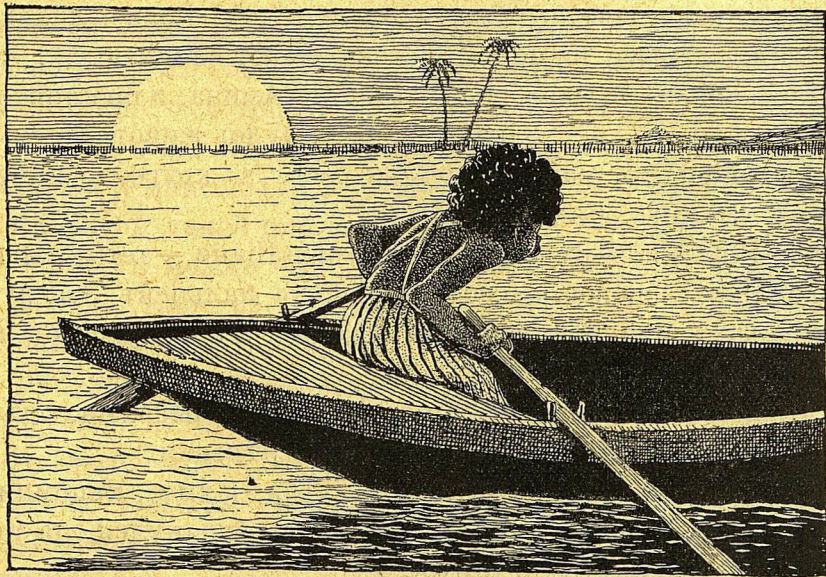
Какъ только луна показалась на высоту ладони изъ-за горъ, Ніани легкой тѣнью скользнулъ мимо дома и скрылся въ густомъ и тепломъ, какъ парное молоко, туманѣ.

Все было тихо. Только лягушки-волы квакали въ прибрежныхъ камышахъ, да крокодилы кричали что-то ему вслѣдъ своими хрипыми голосами, выставляя изъ воды безобразныя головы съ холодными неподвижными глазами.

Сначала Ніани гребъ, молча, но, по мѣрѣ удаленія отъ дома, страхъ его проходилъ, и онъ весело принялся за ѣду, напѣвая пѣсенку своего собственнаго сочиненія:

— Звѣзды смотрять на меня,—пѣлъ Ніани,—но онѣ не скажутъ никому, кто плыветъ по рѣкѣ въ разукрашенной пирогѣ далеко-далеко туда, гдѣ нѣтъ страшнаго хозяина и бѣлыхъ дѣтей, которыя умѣютъ такъ больно щипаться.

И тамъ Ніани сдѣлается богатымъ и знатнымъ колдуномъ и толстая Амина будетъ готовить разныя кушанья только для него одного, а бѣлые рабы будутъ облизываться.

Ніани гребъ, молча.

Такъ плылъ онѣ спокойно и радостно много дней, пополняя свои запасы финиками и гранатами, и доплылъ, наконецъ, до того самаго мѣста, гдѣ рѣка, дѣлаясь совсѣмъ узенькой, теряетъ свое названіе и переходитъ въ болото.

Ой, ой, ой! сколько тутъ было крокодиловъ! Точно бревна, валялись здѣсь и тамъ ихъ неуклюжія безформенныя тѣла, и

Ніани очень ловко перепрыгиваль съ одной чешуйчатой спины на другую. Онъ дѣлалъ это такъ проворно и легко, что совсѣмъ не потревожилъ мирно спавшихъ чудовищъ. Луна взошла и заходила три раза, пока, наконецъ, Ніани не наступилъ на послѣдняго крокодила.

— Вотъ я и на сухомъ берегу!—весело крикнулъ онъ и, съѣвъ нѣсколько щепотокъ риса и послѣдній финикъ, беззаботно отправился дальше.

Ахъ, какъ весело бѣжать по пустынѣ! Ровно, гладко, и далеко-далеко все видно! И песокъ такой тепленькій, точно его поджарила на сковородкѣ толстая Амина, и просторно: никто не мѣшаетъ, не толкается! Одно худо: животикъ у Ніани совсѣмъ подвело, запасы истощились, а кругомъ ничего—однимъ словомъ, Сахара.

— Не бѣда!—рѣшилъ беззаботный Ніани,—тетка напечетъ мнѣ столько лепешекъ, сколько у меня пальцевъ на рукахъ и на ногахъ и я ихъ съѣмъ всѣ заразъ, а потомъ мы съ дядей пойдемъ въ поле... вкусно!

И, подкрѣпившись такими пріятными мыслями, онъ весело побѣжалъ дальше, напѣвая свои пѣсенки.

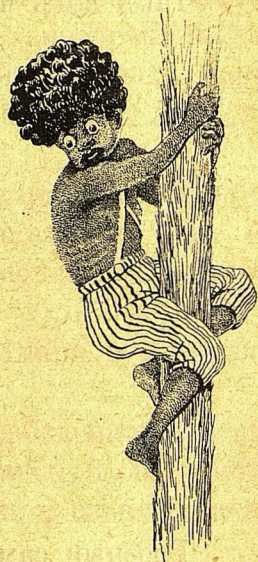
Вдругъ онъ услыхалъ позади себя шумъ, напомнившій ему бурные водопады его родины. Онъ оглянулся, да такъ и остался съ разинутымъ ртомъ.

На горизонтѣ виднѣлась черная полоса, которая все росла, удлинялась, расширялась, распространялась и неслась прямо на него, наполняя воздухъ шумомъ, гамомъ, криками, стонами, мычаньемъ, хрюканьемъ, бляеньемъ—однимъ словомъ, это было нѣчто невообразимое,

Ніани заметался...

Мудрено спрятаться въ пустынѣ, но Ніани былъ догадливъ.

Неподалеку росла чахлая, одинокая пальма, и къ ней то пустился Ніани со всёхъ ногъ; только что успѣлъ онъ вскарабкаться до половины, какъ очутился среди стада, прыгуновъ-антилопъ, которые, по собственнымъ соображеніямъ, приходили на сѣверныя пастбища изъ Капской земли и теперь возвращались обратно. Согнувъ ноги, антилопы большими скачками подвигались впередъ, и ихъ бѣлоснѣжныя длинныя волосы на спинѣ, черно-сѣрые хвосты, заостренныя уши и изогнутые рога такъ и мелькали передъ глазами ошеломленнаго Ніани. Не сиди онъ теперь на деревѣ, не пришлось бы ему, пожалуй, полакомиться тростникомъ и маисовыми лепешками. Животныя бѣжали такой плотной стѣной, что на ихъ спинахъ можно было протанцовать какой угодно танецъ, по крайней мѣрѣ, пятнадцати неграмъ и двадцати негритянкамъ, не считая ихъ дѣтей. Среди всей этой бѣгущей, волнуемой массы, Ніани увидѣлъ грозно-мрачную голову льва, недоумѣвающе испуганную морду верблюда и, точно мачту корабля, длинную, тонкую, качающуюся шею жирафа съ изящной головкой и тоскующими глазами. Увлеченные стремительностью стада, злополучныя плѣнники мчались въ Капскую землю, но Ніани не имѣлъ ни малѣйшей охоты послѣдовать за ними. Онъ зналъ, что дядя его живетъ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ восходитъ солнце и, не желая даромъ терять времени, спрыгнулъ съ дерева на спины антилопъ и побѣжалъ по нимъ, какъ по мягкому ковру, прямехонько на востокъ.

Только что успѣлъ онъ вскарабкаться до половины пальмы...

Только что онъ спустился на землю, какъ услышалъ позади себя опять шумъ.

— Еще стадо!—съ досадой подумалъ Ніани, но это было нѣчто худшее.

Злые духи пустыни затѣяли пляску и такъ закрутили песокъ, что онъ воронкой поднялся къ самому небу и несся, раскачиваясь, тоже прямехонько на востокъ.

Такъ вотъ чего испугались антилопы!

Закружился, завертѣлся волчкомъ все выше...

Грозный самумъ мчался по ихъ слѣдамъ и, не догнавъ, радостно подхватилъ Ніани. Негритенокъ и охнуть не успѣлъ, какъ очутился выше пальмы и понесся, закружился, завертѣлся въ воронкѣ волчкомъ все выше, выше до самаго неба.

Ніани никогда и въ голову не приходило, что судьба вознесетъ его такъ высоко, но онъ не потерялся: замѣтивъ, что песокъ по краямъ осыпается, онъ перебрался на середину и чувствовалъ себя не то чтобъ очень хорошо, но не безъ пріятности.

Мало по малу вѣтеръ сталъ стихать, песочная воронка

опустилась и распалась и Ніани былъ пріятно изумленъ, увидя себя въ зеленомъ оазисѣ.

Какъ тамъ было хорошо!

Золотистые апельсины сверкали, какъ серьги въ ухахъ французской фермерши, бананы были величиною съ ногу Ніани, а янтарная дыня вдвое больше его головы.

Ніани ѣлъ столько, сколько хотѣлъ, а когда утомился, легъ подъ дерево и заснулъ, какъ убитый. И такъ сладко спалось ему въ пустынь: никто не будилъ, не бранилъ, не беспокоилъ... не то, что дома! И спалъ онъ до тѣхъ поръ, пока самъ не проснулся, а это случилось въ первый разъ въ его жизни.

Только что онъ сталъ набивать себѣ карманы бананами и апельсинами (хотѣлъ было дыню запихать, да она не влѣзла), какъ вдругъ послышалось гдѣ то поблизости: „дзинь! дзинь!“

— Что бы это такое было?—подумалъ Ніани и прервалъ на минутку свое занятіе.

Это шель богатый караванъ въ 40 верблюдовъ, нагруженныхъ тяжелыми вьюками. На шеѣ у нихъ были привѣшены серебряные колокольчики, они-то и издавали такой пріятный звукъ.

Впереди бѣжалъ скороходъ съ длиннымъ копьемъ, за нимъ медленно и важно ѣхалъ принцъ на рыжемъ верблюдѣ, въ носу котораго болталось золотое кольцо, далѣе слѣдовала свита, а ужъ потомъ погонщики длинными палками погоняли утомленныхъ верблюдовъ.

Вотъ такъ шествіе!

Ничего подобнаго Ніани и во снѣ не видалъ.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ, разинувъ ротъ, на важнаго принца, одѣтаго въ красную, вышитую золотомъ, куртку съ

бѣлыми, какъ лучшая слоновою кость, кисейными рукавами. Красная же феска съ золотою кистью гордо сидѣла на его бритой головѣ, на шеѣ красовалось ожерелье изъ зубовъ леопарда, а за поясомъ блестялъ и переливался на солнцѣ, украшенный драгоценными камнями, кинжалъ.

— Это что за чертенокъ? — спросилъ принцъ, указывая рукой на всклокоченнаго Ніани.—Гдѣ онъ былъ? Куда идетъ? и почему мнѣ не кланяется?

Свита тотчасъ же окружила злополучнаго негритенка и свирѣпые погонщики закричали и замахали палками надъ его головой.

И опять стало тѣсно, тѣсно, какъ дома, а ужъ чего же еще желать—кругомъ пустыня.

Какъ только Ніани могъ проговорить слово, онъ безъ утайки рассказалъ все: кто онъ, гдѣ живетъ, у кого служитъ, пересчиталъ по пальцамъ, сколько у нихъ быковъ, верблюдовъ и собакъ и расхвастался, какія вкусныя кушанья умѣетъ готовить кухарка Амина.

Принцъ слушалъ его съ видомъ внимательнымъ и благоклоннымъ и вдругъ закричалъ:

— Дать этому бездѣльнику пятьдесятъ розогъ!

Этого Ніани вовсе не ожидалъ.

Дать 50 мѣшковъ золота или 50 аршинъ матеріи — это могло быть, но 50 розогъ... это слишкомъ!

Съ быстротой молніи проскользнулъ онъ между ногами сбившихся въ кучу верблюдовъ и бросился бѣжать такъ быстро, что его нельзя было догнать на самомъ лучшемъ арабскомъ жеребцѣ.

Впрочемъ, за нимъ никто и не гнался.

Когда голоса и звонки совершенно замолкли, Ніани побѣжалъ тише, а такъ какъ дыни, апельсины и бананы пере-

мѣшались у него въ желудкѣ, то онъ рѣшилъ немного прилечь и отдохнуть, чтобы дать совершиться пищеваренію.

На счастье, невдалекѣ лежалъ очень нарядный, завитой страусъ, который принялъ, ползкомъ пробиравагося къ нему, Ніани за заблудившуюся обезьянку и дружелюбно позволилъ ему примоститься рядышкомъ. Такъ проспали они оба до солнечнаго восхода и сдѣлались за ночь такими друзьями, что не захотѣли болѣе разставаться.

Страусу надо было спѣшить на свиданіе и онъ помчался рысцой, широко разставляя свои жилистыя ноги. Ніани усѣлся ему на спину, крѣпко обхватилъ его шею своими черномазыми рученками и съ торжествомъ распѣвалъ пѣсенки своего собственнаго сочиненія.

Страусъ помчался рысцой, широко разставляя свои жилистыя ноги.

Теперь онъ ѣхалъ по самому краешку пустыни и трава приятно щекотала ему голыя пятки. Здѣсь ужъ было не такъ просторно.

Трава подымалась все выше и выше и была величиною съ домъ. Въ ней бродили слоны толстые-претолстые и такъ

хлопали ушами, точно выбивали пыль изъ ковровъ. Маленькіе слонята пускали хоботомъ пузыри и неуклюже виляли тоненькими хвостиками, всюду совались и всѣмъ ужасно надоѣдали.

Носороги гуляли и обсуждали дѣла съ удивительно мрачнымъ видомъ, нѣкоторые спали, растянувшись на травѣ, другіе дремали, стоя, покачивая головой. Пестрыми лентами по зеленой травѣ вились, извивались и кривлялись змѣи, то высовывая, то опять пряча свои тонкія головки съ длиннымъ раздвоеннымъ языкомъ, не то дразнились, не то кокетничали — кто ихъ знаетъ! Онѣ глядѣли на Ніани и шипѣли вслѣдъ ядовитыя пожеланія. Отъ этого или нѣтъ, но Ніани дѣйствительно попалъ въ непріятную исторію.

Проѣзжая на спинѣ любезнаго страуса мимо баобаба, Ніани замѣтилъ, что всѣ его вѣтки сплошь покрыты живыми вертлявыми существами, которыя, завидя его, начали кричать, кувыркаться и, повиснувъ на хвостѣ, протягивать къ нему маленькія мохнатая руки. Пока Ніани думалъ да раздумывалъ, принять ли ему приглашеніе или отказаться, сотни рукъ уцѣпились за его волосы, руки, ноги и съ торжествомъ втащили на баобабъ. Затѣмъ былъ произведенъ самый тщательный осмотръ его одежды, кармановъ, лица, рукъ и ногъ и самыя серьезныя, достойныя довѣрія, опытыя обезьяны занялись съ особеннымъ тщаніемъ его головой. Какъ только Ніани дѣлалъ попытку шевельнуться, строгія макаки награждали его тумаками и пинками, такъ что, поневолѣ, надо было сидѣть смирно.

Черезъ нѣсколько времени все стадо собралось на охоту, и было рѣшено на общемъ совѣтѣ взять съ собой и Ніани. Перепрыгивая съ дерева на дерево, проворныя макаки притихли и осторожно, какъ опытные воришки, пробрались въ

садъ. Не отставалъ и Ніани. Ему очень понравилось карабкаться по сучьямъ и висѣть внизъ головой. Раньше онъ это не умѣлъ, но чему не научишься въ путешествіи!

Садъ былъ небольшой, но содержался опрятно. Здѣсь были и сочные, ароматные мандарины и нѣжно-пахучія гуавы, заключенныя въ зеленоватую колючую кожуру, и приторно-сладкіе манго и кисло-сладкіе гранаты, которые были такъ спѣлы, что отъ малѣйшаго прикосновенія къ нимъ кожица лопалась и оттуда вытекалъ красный, какъ человѣческая кровь, сокъ.

Съ безумной дерзостью лазали макаки по кустамъ и деревьямъ, забывъ всякую предосторожность, дрались изъ-за добычи и съ пронзительными криками награждали другъ друга полновѣсными пощечинами.

Въ самый разгаръ веселья изъ дома выскочили люди съ палками и бичами, и незваные гости должны были съ позоромъ удалиться. Кто не хотѣлъ добровольно покинуть это очаровательное мѣстечко, тотъ познакомился съ бичомъ, и скоро Ніани остался одинъ на деревѣ, скрытый наполовину зелеными листьями.

— Посмотри-ка, жена, — сказалъ садовникъ, — какая смѣшная обезьяна въ штанахъ, и ужасно похожа на негритенка!

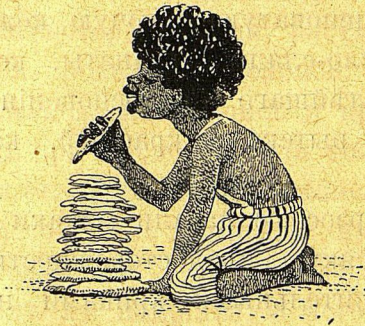
— Гдѣ? гдѣ? — заволновалась любопытная отъ природы негритянка — и вправду... совсѣмъ, совсѣмъ мальчишка!

— У меня есть племянникъ, Ніани, — его еще продали въ Сенегамбію французамъ, — удивительно былъ похожъ на эту макаку...

— Дядя! какъ это пріятно! — воскликнулъ Ніани, кубаремъ слетая съ дерева, — пожалуйста не пугайтесь... я къ вамъ пришелъ въ гости прямой дорогой прямо въ садъ и вы, конечно, угостите меня: дядя поведетъ меня въ поле и дастъ

охапку сахарнаго тростника, а тетка напечетъ мнѣ столько маисовыхъ лепешекъ, сколько у насъ троихъ пальцевъ на рукахъ и на ногахъ.

А. Сверкова.

Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ.

ГЛАВА II.

Озеро слезъ.

— Странче и странче!—воскликнула Алиса. Она была такъ изумлена, что въ эту минуту забыла, какъ нужно правильно выражаться.

— Теперь я начинаю вытягиваться, какъ самая длинная подзорная труба, которая когда-либо существовала. Прощайте, ноги!—Взглянувъ внизъ, она едва разглядѣла свои ноги, такъ онѣ были далеко.

— О, мои бѣдныя ножки, хотѣла бы я знать, кто будетъ теперь надѣвать на васъ чулки и башмаки, милыя вы мои? Ужъ не я, это навѣрно. Я буду слишкомъ далеко, чтобы заботиться о васъ. Устраивайтесь сами, какъ знаете. Но я буду

добра къ нимъ,—подумала Алиса,—а то онѣ, пожалуй, не станутъ идти туда, куда мнѣ нужно. Пойдите ка, дайте сообразить. Я буду дарить имъ пару новыхъ башмаковъ каждый годъ на Рождество.—И Алиса стала раздумывать о томъ, какъ она это устроить.

— Башмаки придется посылать съ посылнымъ,—думала она,—вотъ смѣшно-то будетъ посылать подарки собственнымъ ногамъ! И какой странный будетъ адресъ:

Ея Высокоблагородію
Правой Алисиной Ногѣ.

Каминный Коврикъ, близъ
Каминной Рѣшетки.

Съ привѣтомъ отъ Алисы.

— О, Господи, какія, однако, глупости приходятъ мнѣ въ голову!—

И какъ разъ въ эту минуту она стукнулась головой о потолокъ зала. Теперь она была гораздо больше девяти футовъ ростомъ и, схвативъ золотой ключикъ, бросилась къ садовой дверкѣ.

Бѣдная Алиса! Самое большее, что она могла сдѣлать, это—лечь на бокъ и заглянуть въ садъ однимъ глазомъ, пройти же черезъ дверку было для нея теперь болѣе невозможно, чѣмъ когда-либо. Она сѣла на полъ и опять начала плакать.

— Я начинаю вытягиваться, какъ самая длинная подозрѣнная труба.—

— Какъ тебѣ не стыдно, — проговорила Алиса, — такая большая дѣвочка (она имѣла полное основаніе это сказать), и вдругъ такъ плакать! Сейчасъ же перестань, я тебѣ говорю. — Но она все-таки продолжала плакать, проливая слезы, которыми можно было бы наполнить большія бутылки, и продолжала ихъ проливать, пока вокругъ нея не образовалось цѣлое озеро, глубиною около четырехъ дюймовъ, залившее собою половину пола въ залѣ.

Черезъ нѣсколько времени Алиса услышала въ нѣкоторомъ разстояніи легкій шумъ шаговъ и быстро вытерла глаза, чтобы посмотрѣть, кто идетъ. Это былъ Бѣлый Кроликъ. Онъ возвращался, великолѣпно одѣтый, съ парой бѣлыхъ лайковыхъ перчатокъ въ одной лапкѣ и съ большимъ вѣромъ въ другой. Онъ шелъ торопливо, скорымъ шагомъ и бормоталъ про себя:

— Охъ! Герцогиня, герцогиня! Охъ! Вотъ разгнѣвается-то, что я заставилъ ее дожидаться! —

Алиса испытывала такое отчаяніе, что готова была просить о помощи кого угодно. Поэтому, когда Кроликъ подошелъ къ ней поближе, она начала тихимъ, робкимъ голосомъ:

— Прошу васъ, сударь... —

Кроликъ сильно вздрогнулъ, выронилъ бѣлыя лайковыя перчатки и вѣрь и сталъ улепетывать въ темноту, какъ только могъ, скорѣе.

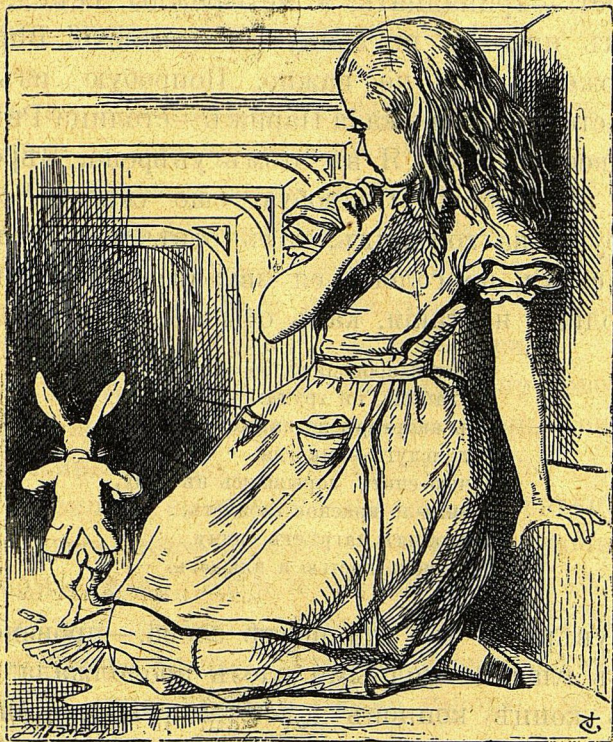
Алиса подняла перчатки и вѣрь, и такъ какъ въ залѣ было очень жарко, она стала обмахиваться, продолжая рассуждать сама съ собою.

— Боже мой, Боже мой! Какъ все странно сегодня! А еще вчера все шло самымъ обычнымъ образомъ. Хотѣлось бы мнѣ знать, не перемѣнилась ли я за ночь?

Дайте ка подумать: такой ли, какъ всегда, проснулась я

сегодня утром? Мнѣ кажется, что я уже чувствовала себя немного иначе. Но если я уже не та, то является вопросъ: кто же я такая? Вотъ что ужасно трудно рѣшить.—

И она стала мысленно перебирать всѣхъ своихъ однолѣ-

Кроликъ сталъ улепетывать въ темноту

токъ, чтобы рѣшить, въ которую изъ нихъ она могла превратиться.

Я увѣрена, что я не Ада,—проговорила она,—у нея волосы всѣ въ длинныхъ локонахъ, а мои совсѣмъ и не вьются. Навѣрно также я не Мэбелъ, потому что я знаю много раз-

ныхъ вещей, а она, охъ, она почти ничего не знаетъ. Да и потомъ она—это она, а я—это я... О, Господи, какъ все это странно! Надо посмотрѣть, знаю ли я все то, что знала досихъ поръ. Постойте ка: четырежды пять—двѣнадцать, четырежды шесть—тринадцать, а четырежды семь... ахъ, Боже мой! Я такъ никогда не дойду до двадцати! Впрочемъ, таблица умноженія—это не важно. Попробую изъ географіи: Лондонъ—столица Парижа, а Парижъ—столица Рима, а Римъ... нѣтъ, это все не такъ. Я въ этомъ увѣрена. Вѣроятно я превратилась въ Мэбелъ. Попробую еще сказать стихи.— Она сложила руки на колѣняхъ, какъ отвѣчаютъ урокъ, и стала повторять стихи, но голосъ ея звучалъ хрипло и странно и слова выходили не такія, какъ обыкновенно:

—Божій крокодилъ не знаетъ
Ни заботы, ни труда:
Онъ квартиру не нанимаетъ
И прислуги—никогда.
Ночью спитъ, зарывшись въ тину,
Солнце-ль красное взойдетъ,
Крокодилъ нагрѣетъ спину,
Щелкнетъ пастью и плыветъ.

— Я увѣрена, что это не тѣ слова,—произнесла бѣдная Алиса и съ глазами полными слезъ продолжала:

— Въ концѣ концовъ я все-таки, вѣрно, Мэбелъ и мнѣ придется жить въ низенькомъ тѣсномъ домикѣ, игрушекъ у меня никакихъ не будетъ и придется мнѣ учить множество уроковъ. Нѣтъ, я рѣшила: если я Мэбелъ, такъ я здѣсь и останусь. Могутъ сколько угодно приходить, нагибаться и звать меня: „Милая, вернись къ намъ наверхъ!“ а я только посмотрю снизу и скажу: „А кто я такая? Сначала вы мнѣ это скажите, и если мнѣ понравится быть этой особой, я вернусь наверхъ, а если нѣтъ, я останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока

не сдѣлаюсь кѣмъ-нибудь другимъ "... но, Боже мой!—воскликнула Алиса, проливая новый потокъ слезъ,—какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы они пришли и нагнулись сюда! Мнѣ такъ надоѣло быть здѣсь совсѣмъ одной!—

Говоря это, она взглянула на свои руки и была удивлена, замѣтивъ, что надѣла одну изъ маленькихъ бѣлыхъ перчатокъ Кролика.

— Какъ же я могла это сдѣлать?—подумала она.

— Значить, я опять стала маленькой.—

Она встала и пошла къ столу, чтобы смѣриться и увидала, что сдѣлалась около двухъ футовъ ростомъ и все продолжала быстро сокращаться. Вскорѣ она догадалась, что причиной этому вѣеръ, который она держала и поспѣшно бросила его, какъ разъ во время, чтобы не исчезнуть совершенно.

— Однако, вѣдь я едва-едва спаслась!—проговорила Алиса, перепуганная внезапной переменой, но очень довольная, что осталась въ живыхъ.—Ну, а теперь—въ садъ!—

И она бросилась со всѣхъ ногъ къ маленькой двери, но увы! дверка была снова заперта, а золотой ключикъ лежалъ на стеклянномъ столѣ, какъ и прежде.

— Дѣла мои обстоятъ хуже, чѣмъ когда либо, — подумала бѣдная Алиса,—потому что такой маленькой я еще никогда не была, никогда. И я прямо говорю, что это очень неприятно, просто отвратительно!—

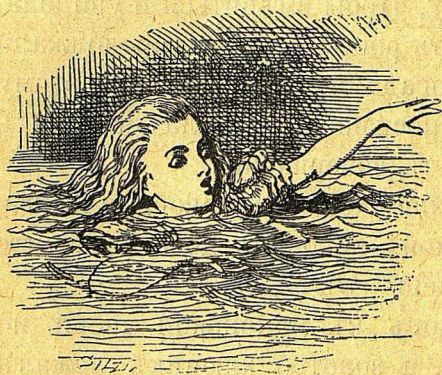
Произнося эти слова, она поскользнулась, и въ слѣдующую секунду, шлепъ! бултыхнулась до подбородка въ соленую воду. Въ первую минуту она подумала, что попала въ море.

— Въ такомъ случаѣ, я могу вернуться по желѣзной дорогѣ, — сказала она самой себѣ. Алиса всего одинъ разъ въ жизни была на берегу моря и пришла къ общему заключенію, что куда бы вы ни поѣхали на англійское побережье, вездѣ

вы увидите множество подвижныхъ будокъ для купанья, дѣтей, копающихся деревянными лопатками въ песокъ, потомъ рядъ дачъ, а за ними желѣзнодорожную станцію.

Однако, вскорѣ она поняла, что попала въ озеро слезъ пролитыхъ ею же самой, когда она была девяти футовъ ростомъ.

— Я жалѣю теперь, что такъ плакала! — сказала Алиса, плавая въ слезахъ и стараясь вылѣзти.

Она бултыхнулась до подбородка въ соленую воду.

— Теперь я буду наказана тѣмъ, что утону въ собственныхъ слезахъ! Это будетъ очень странно, но вѣдь сегодня все необыкновенно странно.

Какъ разъ въ это время она услышала, какъ что-то плещется немного подалеже и поплыла въ ту сторону, чтобы узнать, что это такое. Сначала ей показалось, что она видитъ моржа или гиппопотама, но потомъ она вспомнила, какой стала маленькой и поняла, что передъ нею была просто Мышь, соскользнувшая, какъ и она, въ озеро слезъ.

— Стоитъ ли попробовать заговорить съ нею? — подумала Алиса. — Все здѣсь такъ необыкновенно, что я не удивлюсь, если окажется, что она говорить. Во всякомъ случаѣ, надо попробовать. —

И она начала:

— О, Мышь, знаете ли вы, какъ выбраться изъ этого озера? Я очень устала все плавать, о, Мышь! —

Алисѣ казалось, что съ мышью слѣдуетъ разговаривать именно такъ. Это былъ первый случай разговора съ мышью въ ея жизни, но она помнила, что видѣла въ латинской грамматикѣ своего брата: „мышь—мыши—мыши—мышь—о, мышь!“

Мышь посмотрѣла на нее весьма подозрительно и, какъ ей показалось, подмигнула однимъ глазомъ, но ничего не сказала.

— Можетъ быть, она не понимаетъ по англійски, подумала Алиса. — Весьма вѣроятно, что это французская мышь, прибывшая съ Вильгельмомъ завоевателемъ.

(Несмотря на свои обширныя историческія познанія, Алиса не совсѣмъ ясно отдавала себѣ отчетъ въ томъ, когда что было).

И она начала снова:

— *Où est ma chatte?* — Это была первая фраза ея французскаго учебника. Мышь подпрыгнула изъ воды и вся замѣтно задрожала отъ страха.

— О, простите меня!—вскрикнула поспѣшно Алиса, испугавшись, что сдѣлала непріятность бѣдному звѣрку.— Я совсѣмъ забыла, что вы должны не любить кошекъ.—

— Не любить кошекъ! — воскликнула Мышь пронзительнымъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— А вы бы ихъ любили на моемъ мѣстѣ?—

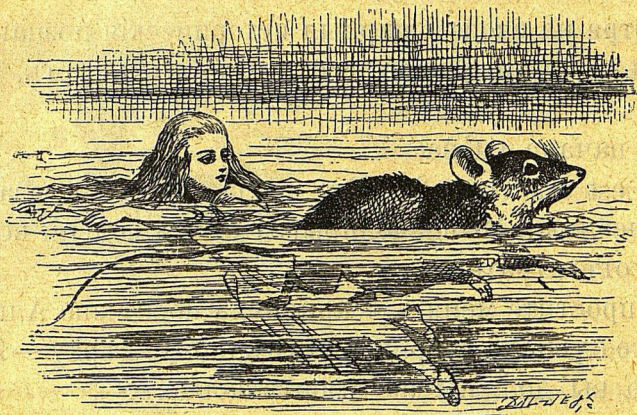
— Вѣроятно, нѣтъ,—отвѣчала Алиса мягко.— Не сердитесь, пожалуйста. Но мнѣ бы очень хотѣлось показать вамъ нашу кошку Дину. Я увѣрена, что вы полюбили бы кошекъ, еслибъ только увидѣли ее. Это такое милое спокойное существо.— И Алиса продолжала, отчасти обращаясь къ себѣ самой и лѣниво перебирая руками и ногами въ соленой водѣ:

— Какъ она славно мурлычить, сидя у огня, вылизывая свои лапки и умывая мордочку. И какъ пріятно ее кормить,

такую тепленькую, мягенькую... а какой она молодець, какъ ловко мышей ловить... о, простите меня!— снова воскликнула Алиса, такъ какъ на этотъ разъ вся шерстка на Мыши встала дыбомъ и Алиса поняла, что она серьезно обидѣлась. — Мы лучше не будемъ объ ней говорить, если это вамъ непріятно. —

— Не будемъ, вотъ именно! — воскликнула Мышь, дрожавшая съ головы до самаго конца хвостика.

— Какъ будто бы я могла когда нибудь вести разговоръ о такихъ вещахъ! Наша семья всегда ненавидѣла кошекъ.

Мышь уплывала отъ нея.

Гадкія, низкія, пошлыя существа! Не произносите при мнѣ больше этого слова!

— Не буду, не буду,—увѣрила ее Алиса, торопясь переимѣнить тему разговора.

— Любите-ли вы... любите-ли вы собакъ?—Мышь ничего не отвѣчала, и Алиса продолжала поспѣшно:

— Недалеко отъ насъ живетъ такая миленькая собачка. Какъ бы я хотѣла вамъ ее показать! Маленькій террьеръ съ

блестящими глазами и длинной курчавой шерстью. Онъ поднимаетъ и приноситъ вещи, которыя ему бросаютъ, служить на заднихъ лапкахъ, когда просить ѣсть и дѣлаетъ множество разныхъ фокусовъ, я ужъ теперь всего не помню. Это собака одного фермера, и хозяинъ ея говоритъ, что она очень много пользы приносить и стоитъ сто фунтовъ. Онъ говоритъ, что она убиваетъ всѣхъ крысъ; и... о, Господи!—воскликнула Алиса опечаленнымъ голосомъ, —я, кажется, опять ее обидѣла!—

Мышь уплывала отъ нея изо всѣхъ силъ и произвела щѣлую бурю, покрывъ волнами всю воду соленого озера.

Алиса стала звать ее самымъ нѣжнымъ голосомъ:

— Милая Мышь! Вернитесь, и мы не будемъ больше говорить ни о кошкахъ, ни о собакахъ, если вы ихъ не любите.—

Услышавъ эти слова, Мышь обернулась и потихоньку поплыла назадъ. Ея мордочка поблѣднѣла („отъ волненія“—подумала Алиса) и она произнесла тихимъ дрожащимъ голосомъ:

— Выйдемъ на берегъ, и я расскажу вамъ мою исторію. Тогда вы поймете, почему я ненавижу кошекъ и собакъ.—

Было самое время вылѣзть, такъ какъ все озеро переполнилось птицами и звѣрями, попавшими въ него такъ же, какъ и Алиса съ Мышью. Тамъ была и Утка, и Додо или Дронть, и Райскій Попугай, и Орленокъ, и много другихъ удивительныхъ существъ. Алиса поплыла впередъ, и все общество послѣдовало за нею къ берегу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Море.

XIV.

Морскіе разбойники.

МЕДУЗЫ и моллюски всегда были невинными существами, похожими на дѣтей. Хищниковъ среди нихъ почти не было. Тѣ, которые ѣли себѣ подобныхъ, дѣлали это только по необходимости, да и то поглощали едва начинающіяся жизни, студенистыя, еще не превратившіяся въ органическія существа. Страданія не было. Ни жестокости, ни злобы. Но теперь я долженъ вступить въ совѣмъ другой мрачный міръ: міръ войны и убійствъ. Конечно, при первомъ появленіи жизни появилась и смерть, жестокая, но очистительная, полезная, необходимая. Она уничтожала все чахлое, слабое, рождавшееся во множествѣ и грозившее заполнить собою весь земной шаръ.

Въ глубокой древности существовали два чудовища: ѣдунъ и сосунъ. Остатки, отпечатки этихъ животныхъ найдутся въ землѣ первыми. Это не значитъ, конечно, что смерть явилась прежде всего; нѣтъ, это произошло отъ того, что мягкія животныя, служившія пищей этимъ чудовищамъ, рассыпались, исчезли, не оставивъ послѣ себя даже отпечатка.

Бившая черезъ край сила юной земли, слишкомъ щедро откармливавшая всѣхъ своихъ дѣтей, стала раздувать моллюска, превратила его въ огромный шаръ, поглощающій пузырь. Надуваясь все больше и больше, причемъ его голодъ все увеличивался, этотъ пузырь, не имѣя зубовъ, сталъ сосать. Такъ создался Сосунъ. Съ другой стороны та же сила,

развивая у моллюска опредѣленные члены, дѣлая ихъ твердыми, особенно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ были клещи и челюсти, создала существо, которое могло разгрызть самыя твердыя вещи, создала Ёдуна. Сосунъ, называемый также осьминогомъ или спрутомъ, пожираетъ моллюсковъ, но и самъ остается чудовищнымъ раздутымъ моллюскомъ, неопредѣленного, отвратительнаго и страшнаго вида. Онъ уничтожаетъ не для того только, чтобы питаться. У него потребность разрушенія.

Насытившись, лопааясь отъ пресыщенія, онъ все еще умерщвляетъ. У него у самого нѣтъ панцыря для защиты, и поэтому онъ на всякое живое существо смотритъ, какъ на возможнаго врага. На всякій случай хватаетъ онъ каждаго своимъ длинными руками или, вѣрнѣе, кнутами, снабженными присосками. Къ этимъ рукамъ съ присосками, которыя обхватываютъ, обвиваютъ, лишаютъ движенія, прибавьте особаго рода выдѣленія, отъ которыхъ жертва сразу застываетъ, коченѣетъ, точно пораженная таинственной молніей. Кромѣ того, спрутъ обладаетъ очень тонкимъ слухомъ и проницательнымъ зрѣніемъ. Не правда-ли, страшно встрѣтить такое чудовище?

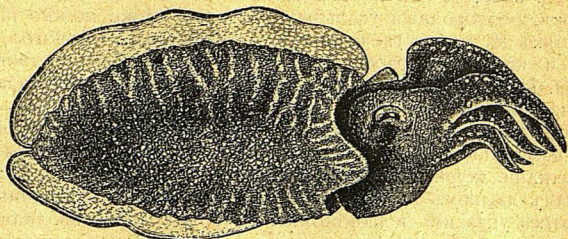
Въ прежнія времена у моряковъ существовало множество страшныхъ разказовъ объ осьминогахъ, которые будто-бы бросались на корабли, обхватывали, ломали и рвали своими длинными руками снасти и пожирали людей. Иные увѣряли, что видѣли спрута въ шестьдесятъ футовъ. Другіе утверждали, что встрѣтили въ сѣверныхъ моряхъ движущійся островъ въ полмили въ окружности, и что этотъ островъ былъ ничто иное, какъ ужаснѣйшій осьминогъ, чудовище изъ чудовищъ, способный связать и пожрать огромнаго кита.

Эти чудовища, если они въ самомъ дѣлѣ существовали,

явились-бы смертельной опасностью для всей природы. Они высосали-бы весь земной шаръ. Но съ одной стороны съ ними могли бороться гигантскія птицы, а съ другой стороны — земля, сдѣлавшись болѣе уравновѣшенной, уменьшила этихъ чудовищъ, сокративъ ихъ питаніе. Слава Богу, спрутъ нашихъ дней гораздо менѣе опасенъ. Другія существа изъ его породы: аргонавтъ, ловкій, красивый пловецъ въ своей волнообразной раковинѣ, кальмаръ, хорошей мореплавателъ, хорошенькая каракатица съ лазурными глазами, разгуливаютъ по океану и ѣдятъ только мелкія породы. У нихъ уже замѣчается намекъ на будущій позвоночникъ. Они сверкаютъ всѣми цвѣтами, которые такъ и переливаются, мѣняясь непрерывно на ихъ кожѣ. У каракатицы прекрасный тонкій запахъ амбры. Также пахнетъ и отъ китовъ, когда они поглощаютъ безконечное множество каракатицъ. Дельфины тоже поѣдаютъ каракатицъ. Каракатицы существа общественныя и передвигаются большими толпами. Въ маѣ онѣ всѣ направляются къ берегамъ, чтобы класть яйца. Дельфины караулятъ ихъ тамъ и устраиваютъ изъ нихъ роскошныя пиршества. У господъ дельфиновъ такой утонченный вкусъ, что они ѣдятъ только голову и восемь рукъ, самые нѣжные и легко перевариваемые куски. Остальное, т. е. заднюю часть туловища они выбрасываютъ. Иногда весь берегъ бываетъ покрытъ тысячами несчастныхъ, изуродованныхъ каракатицъ. Охотясь на нихъ, дельфины выдѣлываютъ неслыханные прыжки, сначала, чтобы ихъ напугать, а потомъ, чтобы погнать. По окончаніи пиршества они прыгаютъ, занимаясь полезной гимнастикой.

Каракатица, несмотря на свой клювъ, придающій ей странный видъ, все-таки она очень интересна. Всѣ цвѣта радуги смѣняются и таютъ на ея прозрачной кожѣ, смотря

по игрѣ свѣта и дыхательнымъ движеніямъ. У кого вырожденіе особенно замѣтно, такъ это у спрута. Для плаванья у него нѣтъ твердости каракатицы, прикрѣпленной къ внутренней кости. У него нѣтъ и внѣшней защиты, какъ у аргонавта, раковины, предохраняющей наиболѣе уязвимые органы. Нѣтъ у него и паруса, помогающаго плыть, не гребя. Онъ ползаетъ себѣ въ грязи по берегу. Всѣ эти несовершенства вырабатываютъ въ немъ хитрость и вѣроломство. Онъ любитъ устраивать засады, въ немъ проявляется дерзость трусости, если можно

Каракатица.

такъ сказать. Онъ прячется, тихохонько сидитъ въ расщелинахъ скаль. Добыча проплываетъ мимо. Тогда онъ быстро ударяетъ ее своей рукой-кнутомъ. Слабыхъ это ошеломляетъ, сильные высвобождаются. Человѣка такое нападеніе ничтожнаго врага во время плаванія не можетъ смутить. Ему надо только, несмотря на отвращеніе, схватить его и, что очень легко, вывернуть его, какъ перчатку. Онъ осядетъ тогда и отпадетъ, какъ проткнутый пузырь, а на завтра отъ него ничего не останется, онъ исчезнетъ, растаетъ въ морской водѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хуторъ. Открыта подписка на 1909-й годъ, IV-й годъ изданія, со множествомъ рисунковъ въ текстѣ и многими отдѣльными приложеніями, практической сельско-хозяйственный журналъ, имѣющій задачей распространить практически-полезныя по сельскому хозяйству свѣдѣнія, главнымъ образомъ пригодныя для небольшихъ и крестьянскихъ хозяйствъ. Выходитъ ежемѣсячно подъ редакціей ученаго агронома П. Н. Елагина (основателя и бывшаго редактора журналовъ «Деревня» и «Крестьянское Хозяйство»), «Хуторъ» допущенъ въ бібліотеки всѣхъ учебныхъ заведеній и въ народныя читальни.

Крестьяне, нынѣ заводящіе свои «хутора», нуждаются въ правильныхъ сельско-хозяйственныхъ знаніяхъ, которыя они и найдутъ въ журналѣ «Хуторъ». Хозяйства при народн. училищахъ, церковныхъ причтовъ, подгородныя усадьбы, — все это также можно назвать «хуторами» и при соотвѣтственныхъ познаніяхъ на много увеличить ихъ доходность. Служить интересамъ именно такихъ небольшихъ хозяйствъ и крестьянъ, работающихъ на своей землѣ, въ своихъ «хуторахъ» — и есть назначеніе нашего изданія. Исключительно практическое направленіе журнала «Хуторъ» даетъ намъ возможность отвѣчать на назрѣвшія нужды «хуторянъ», удовлетворять ихъ отвѣтами на вопросы: какъ и что нужно сдѣлать, чтобы правильно устроить такія хозяйства и поднять ихъ доходность.

«Хуторъ» отмѣченъ многими отличными отзывами. Напримѣръ: «Вѣстникъ Ярославскаго Земства»: «Содержаніе журнала «Хуторъ» имѣетъ чисто практической характеръ, статьи написаны общепонятнымъ и яснымъ языкомъ и снабжены массою хорошо выполненныхъ рисунковъ. Этотъ журналъ даетъ много полезныхъ указаній и совѣтовъ». Журналъ «Пчеловодная Жизнь»: «Хуторъ» — при крайне скромной подписной цѣнѣ ежемѣсячно даетъ объемистыя книжки съ очень интереснымъ и полезнымъ содержаниемъ. Каждый хозяинъ въ немъ найдетъ немало дѣльныхъ и полезныхъ указаній для своего хозяйства и тѣмъ сторицею окупитъ затраченныя на выпускъ журнала» деньги. Журналъ «Дружескія Рѣчи»: «Хуторъ» можетъ служить прекрасною настольною книгою для справокъ по разнообразнымъ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ—скотоводству, полеводству, огородничеству, садоводству, пчеловодству и др.

Программа журнала: всѣ отрасли сельскаго хозяйства, ремесла и домоводство. Бесплатныя приложенія: 1. Чертежи и планы сельско-хозяйственныхъ построекъ. 2. Сѣмена лучшихъ сортовъ огородныхъ, полевыхъ и луговыхъ растений.

Подписная цѣна: съ дост. и пересылкою два руб. въ годъ. Адресъ: Журналъ «Хуторъ», С.-Петербургъ, Соляной пер., д. 9—1.

2—2

Начальное Обученіе . Годъ изданія—девятый. Принимается подписка на 1909 г. на педагогическій журналъ, приложение къ Циркуляру по Казанскому Учебному Округу. 12 вып. въ годъ. Цѣна—одинъ рубль, за границу 1 руб. 50 коп. Подписка принимается въ канцеляріи Попечителя Каз. Учебн. Округа. «Начальное Обученіе» будетъ выходить въ 1909 году ежемѣсячно, въ объемѣ отъ двухъ до трехъ печатныхъ листовъ, по программѣ, состоящей изъ двухъ отдѣловъ: оффиціального и неоффиціального. Въ первомъ отдѣлѣ печатаются: а) Высочайшія повелѣнія, относящіяся къ начальнымъ народнымъ училищамъ, б) распоряженія Министерства народнаго просвѣщенія, окружного начальства, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, а также училищныхъ совѣтовъ. Во второй отдѣлѣ входятъ: а) статьи по начальному обученію и воспитанію, б) примѣрные уроки по предметамъ начального обученія, в) статьи по вопросамъ о внѣшкольномъ образованіи, г) постоянные отдѣлы: изъ жизни начальной школы, изъ педагогическихъ газетъ и журналовъ, воспитаніе и начальное образованіе за границей и бібліографія. Гонораръ за статьи — въ размѣрѣ отъ 16 до 32 р. за печатный листъ. Въ виду поступающихъ запросовъ на журналъ «Начальное Обученіе» за прежніе годы, редакція объявляетъ, что въ ея распоряженіи имѣется небольшое количество экземпляровъ «Начального Обученія» за 1902, 1904, 1905, 1906 (за 1907 г. нѣтъ) и 1908 г. Цѣна экземпляра за каждый годъ—одинъ рубль. Плата за объявленія (о книгахъ и учебныхъ пособіяхъ) позади текста:

За одну страницу объявленій мелкимъ шрифтомъ каждый разъ взимается 20 р., за полстраницы—10 р. и за четверть страницы — 5 р.

2—2

«Семья и Школа».

Открыта подписка на 1909 годъ на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей (пятый годъ изданія). Журналъ предназначенъ преимущественно для дѣтей средняго возраста (10—12 лѣтъ), которымъ еще мало доступны существующіе у насъ журналы болѣе старшаго возраста. При этомъ «Семья и Школа» ставитъ своей задачей одинаково примѣняться какъ къ интересамъ дѣтей, учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и къ пониманію учениковъ начальной народной школы.

«Семья и Школа» состоитъ изъ 12 ежемѣсячныхъ книжекъ журнала и 6 отдѣльныхъ книжекъ «Библиотеки Семьи и Школы». Въ 1909 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и предыдущіе годы, стараясь лишь разнообразить и расширить ее. По-прежнему «Семья и Школа» не обѣщаетъ своимъ подписчикамъ никакихъ премій, ни такъ наз. бесплатныхъ приложений, полагая, что задачей дѣтскаго журнала является не игрушка, какъ бы занимательна ни была она сама по себѣ для дѣтей, а тщательное составленіе самихъ книжекъ журнала, и доставленіе дѣтямъ хорошаго чтенія, могущаго вліять на ихъ умственное, нравственное, а также и эстетическое развитіе. Имѣя въ виду распространіе журнала въ школахъ, каждая книжка «Семьи и Школы» попрежнему будетъ составляться такимъ образомъ, чтобы ее легко было, при желаніи, раздѣлить на части, и большія произведенія, печатавшіяся въ нѣсколькихъ номерахъ, можно было бы въ концѣ года переплести въ одну книгу.

Въ «Семьѣ и Школѣ» принимаютъ участіе: Е. А. Бакунина, И. А. Бѣлоусовъ, Е. Волкова, Н. А. Гольцева, С. Г. Григорьевъ, С. Д. Дрожжинъ, П. Засодимскій, П. П. Инфантьевъ, В. Ѳ. Капелькинъ, О. Карышева, А. А. Кизеветтеръ, С. А. Князьковъ, Н. К. Кольцовъ, М. А. Круковский, Т. Н. Львовъ, Вл. Львовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. И. Митропольскій, Н. Новичъ, Юр. Новоселовъ, К. Д. Носиловъ, Сергій Орловскій, О. П. Рунова, С. И. Рербергъ, А. Н. Рождественская, Р. Рубинова, В. Г. Рудневъ, П. Н. Сакулинъ, А. Серафимовичъ, В. Д. Соколовъ, П. П. Сушкинъ, Н. Д. Телешовъ, М. В. Тиличеева, В. Н. Харузина, и др. Подписная цѣна за 12 книжекъ «Семьи и Школы» и за 6 книжекъ «Библиотеки Семьи и Школы»: съ доставкой и пересылкой 3 руб. въ годъ. Безъ доставки въ Москвѣ 2 руб. 50 коп. За границу 5 рублей. Подписка на полгода 1 р. 50 к. (принимается исключительно въ редакціи). Подписка безъ доставки принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и въ книжныхъ магазинахъ «Трудъ» и Н. Карбасникова. Пробный номеръ журнала высылается изъ редакціи за три семикопеечныя марки; подробный проспектъ бесплатно. Иногородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала «Семья и Школа»: Москва, Гончарная ул., домъ № 17.

2—1

Редакторъ-издатель Вл. Львовъ

Юная мысль.

Открыта подписка на первую серію выходящихъ подъ редакціей педагоговъ сборниковъ юношескаго и дѣтскаго творчества.

Каждая книжка издается въ двухъ выпускахъ: для юношества и для дѣтей. Въ обоихъ изданіяхъ будутъ также и статьи педагоговъ по вопросамъ, интересующимъ молодежь.

Редакція ставитъ себѣ задачей будить самостоятельности юной творческой мысли, содѣйствовать нормальному и здоровому росту ея въ сферѣ свойственныхъ возрасту представленій и переживаній.

Въ сборникахъ „ЮНОЙ МЫСЛИ“ помѣщаются беллетристическія произведенія, статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, критическіе разборы, иллюстраціи, рисунки, фотографии, ноты, различныя задачи. Основные положенія программы изданія. I. Личность. Ея переживанія. Выработка основъ міросозерцанія. Отношеніе человѣка къ другимъ людямъ. Участіе въ общей созидательной работѣ, какъ обязанность, налагаемая на каждаго за пользованіе благами культуры. II. Общество. Картина культурнаго развитія. Значеніе сотрудничества и солидарности людей. III. Природа. Человѣкъ и природа. Познаніе и художественное воспроизведеніе природы. Основная идея, которая, по мнѣнію редакціи, должна объединить эти три отдѣла и лечь въ основу юношескаго міросозерцанія—это идея вѣчнаго: развитія, непрестаннаго движенія впередъ, къ лучшему. Всѣ рукописи молодыхъ сотрудниковъ представляются редакціи бесплатно. Онѣ должны сопровождаться указаніемъ имени и фамиліи автора, его возраста, гдѣ онъ учится (уч. зав. и классъ) и адреса. Подъ статьями будутъ печататься имя, инициалы фамиліи и обозначеніе возраста. Обратныя рукописи не возвращаются. Адресующіеся въ редакцію съ запросами прилагаютъ 7-коп. марку на отвѣтъ.

Подписная цѣна на серію въ 4 сборника (восемь выпусковъ) съ перс.—1 р., за гран.—2 р. Адресъ редакціи: СПб. Суворовскій, 23.

2—1

Редакторы-издатели: С. Ю. Блуменау. М. А. Минцлова.

Всходы. Открыта подписка на 1909 годъ (XIV-й годъ изданія). На иллюстрированный литературный и научно-популярный журналъ для семьи и школы. Въ 1909 году „ВСХОДЫ“ будутъ издаваться въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ предыдущіе годы.

Въ 1909 г. подписчики на «ВСХОДЫ» получатъ: 12 №№ большого формата разнообразнаго содержанія. Въ составъ ихъ входятъ: повѣсти и рассказы, оригинальные и переводные, стихотворенія, историческія повѣсти, сказки, легенды, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи, этнографіи и пр. Постоянные отдѣлы: Изъ науки и жизни.—Критическій указатель дѣтской и народной литературы; 12 №№ „Библиотеки Всходовъ“—книжки малаго формата, заключающія въ себѣ каждая цѣлое произведеніе, беллетристическое или научно-популярное. 12 отдѣльныхъ картинокъ на лучшей альбомной бумагѣ.

Въ составъ «Библиотеки Всходовъ» 1909 г. между прочимъ войдутъ „СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА“ и „ДѢТСКІЕ ГОДЫ БАБОВА-ВНУКА“. С. Т. АКСАКОВА. Юбилейное изданіе съ портретами и иллюстраціями въ текстѣ. Сверхъ того въ портфель редакціи имѣются стихотворенія, рассказы, повѣсти, путевые очерки и научно-популярныя статьи слѣдующихъ авторовъ: И. Абрамова, А. Алтаева, А. Басовой, А. Боане, В. Брусника, И. Бѣлоусова, М. Ватсонъ, А. Вережникова, П. Вольногорскаго, В. Вѣрина, А. Галагай, Г. Галиной, А. Доброхотова, С. Дрожжина, О. Зарина, Е. Игнатьева, И. Игнатьева, В. Измайлова, Л. Кормчаго, А. Куряиновой, П. Левицаго, В. Ленскаго, А. Мирской, И. Новича, К. Носилова, Н. Носкова, А. Осипова, Д. Пахомова, М. Пожаровой, Н. Пружанскаго, А. Рославлева, А. Свирского, Г. Сѣверцева, Е. Шведера, и др.

Подписная цѣна съ доставкой и персылкою: На годъ въ Россіи 5 р.; на 1/2 года 2р., 50 к., на 1/4 года 1 р. 25 к.; на 1 мѣс. 42 к.; за границу 8 р.

Плата за объявл.: 1 стр.—40 р., 1/2 стр.—20 р., 1/4 стр.—10 р. ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, 4-Рождественская, № 8: въ кснт. Печковской; Москва, Петровскія линіи,—и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Ред.-изд. Э. Монвижъ-Монтвидъ. 2—1

Открыта подписка на новый иллюстрированный, литературно-художественный, двухнедѣльный журналъ „Мір“ научно-популярный, политико-экономическій, общественный и критикобиографическій журналъ, первый № котораго выходитъ въ свѣтъ и будетъ разосланъ подписчикамъ 15-го Октября текущего года.

Журналъ „МІРЪ“ будетъ ак. урано появляться два раза въ мѣсяцъ каждое 1-е и 15-е число.

Журналъ „МІРЪ“ будетъ выходить изящными книжками-тетрадами большого формата, съ многочисленными рисунками и чертежами, на хорошей бумагѣ, въ художественно исполненной обложкѣ и въ объемѣ не менѣе 4-хъ печатныхъ листовъ убористаго, но четкаго и красиваго шрифта.

Журналъ „МІРЪ“ имѣетъ въ виду удовлетворить потребности въ чтеніи и самообразованіи самыхъ широкихъ и разнообразныхъ слоевъ публики. Съ этой цѣлью навсѣ безъ исключенія многочисленные отдѣлы журнала будутъ обращено самое серьезное вниманіе и къ постоянному участію въ нихъ приглашены многіе выдающіеся и пользующіеся извѣстностью ученые, литераторы и публицисты. Редакція заручилась уже сотрудничествомъ слѣдующихъ лицъ: Агафоновъ В. К., Арабажинъ К. И., Арцыбашевъ М. П., Батюшковъ Ф. Д., Бараневичъ К. С., Баршъ Г. Э., Беренштамъ В. В., Богушевскій Л. Л., Вейнбергъ А. А., Венгерова З., Вечесловъ М. Г., Гривневскія И. А., Глаской И., Гусевъ-Оренбургскій С. И., Дымовъ О. Я., Ермаковъ В. П., Заринъ А. Е., Игнатъевъ Е. И. (Альфъ), Измайловъ А. А., Иванюковъ И. И., Купринъ А. И., Лаврентьевъ Д. К., Леонтьевъ П. П., Ленскій В., Марковичъ Б. А., Мацѣвскій Л. М., Нелидова Е. Н., Носковъ Н. Д., Осиповичъ, Платоновъ, Перетцъ В. Н., Пеллора С., Поварнинъ С. И., Потаненко И. Н., Поршъ М., Погѣинъ О., Рославлевъ А. С., Сверскій А., Сергій Горный, Сиромаха, Танъ, Тумимъ Г. Г., Тихоновъ В. А. Туганъ-Барановскій М. И., Цензоръ Д., Цыгонъ, Чюмина О. П. и многіе др.

Подписная цѣна 4 рубля въ годъ, 2 рубля за полгода, и 1 рубль за кожные 3 мѣсяца.

Подписчики, приславшіе 5 рублей, будутъ получать журналъ непрерывно, начиная съ 15 Октября тек. г. по 1 Января 1910 г. Цѣна отдѣльнаго № въ розничной продажѣ 20 коп. Пробный № высылается по полученіи 3-хъ семикопѣчныхъ марокъ. Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, Лиговская, 47, журналъ «Міръ». Редакторъ Л. Л. Богушевскій. Издатель В. А. Богушевскій.

Для большей доступности журнала «Хуторъ» малосостоятельнымъ хозяевамъ, съ 1 января 1909 года подписная цѣна понижена, и назначена за годъ съ пересылкою, два рубля. 2—1

Отъ конторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятыя рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и 3-ій р. къ 1-му Мая.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Открыта подписка на 1909 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

4-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нн.
въ годъ.

Журналъ выходитъ **1 и 15** каждого мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе:

К. Бальмонтъ, А. Бахтиаровъ, М. С. Безобразова, А. Блокъ, Л. Бѣльскій, О. Вѣляевская, Л. Василевскій, З. Венгерова, А. Вережниковъ, Е. Волочкова, И. Гинцбургъ, З. Гишцусъ, С. Городецкій, Ф. Домбровский, О. Дымовъ, Е. Елеонская, К. Ельцова, Вячеславъ Ивановъ, Е. Ивановъ, А. Коваленская, И. Кондурушкинъ, С. Кондурушкинъ, проф. Н. Котляревскій, А. Купринъ, Кл. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, Н. Манасеина, Д. Мережковский, В. Малахѣва-Мировичъ, Н. Михайловъ, Ю. Насвѣтова, Л. Нелидова, Н. Новичъ, Э. Пименова, В. Подивановъ, А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, М. Сабашникова, К. Соколовъ, Ф. Сологубъ, П. Соловьева, (Аллего), С. Соловьевъ, Евг. Соловьева, А. Н. Толстой (Мирза Тургень), В. Успенскій, Н. Шапиръ, Е. Шведеръ, К. Чуковский, О. Чомина, Е. Юнге и мн. др.

Въ художественномъ отдѣлѣ участвуютъ:

И. Билибинъ, Т. Гишцусъ, В. Замирайло, Е. Кавось-Зарудная, Д. Кругликова, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Нестеровъ, П. Соловьева (Аллего), М. Сабашникова, Е. Чичагова-Россинская, Е. Юнге и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой **3** руб., на полгода **2** руб., за границу **5** руб.

Комплекты 1906 и 1907 гг. все разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, площадь Маринскаго театра, № 6.

Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева и Ж. Манасеина.*